

Ленинград
Малый драматический театр

Лев ДОДИН:

Дайте эксперименту простор

Веч. Ленинград - 1988 - 25.06.89

Художественные достоинства, актуальность, общественный резонанс. По этим качествам самый высокий балл среди ленинградских коллективов получили спектакли Малого драматического театра. Такой результат социологического опроса, проведенного среди искусствоводов города. Со специалистами солидарны и зрители: несколько сезонов Малый драматический прочно удерживает репутацию самого посещаемого театра в городе.

Вместе с тремя другими коллективами МДТ вот уже второй год участвует в широкомасштабном театральном эксперименте. Какие перспективы открыл он для творчества, в чем оправдали возложенные на него надежды и какие проблемы поставил!

Об этом размышляет сегодня главный режиссер Малого драматического театра заслуженный деятель искусств РСФСР лауреат Государственной премии СССР Лев ДОДИН.

— Нет сомнения, что эксперимент — положительное явление в театральной жизни. Что-то удалось сдвинуть с мертвой точки. Нам не спускают теперь регламентированного количества премьер на сезон. Воспользовавшись новыми возможностями, минувшей весной мы вывели на профессиональную сцену студенческий спектакль «Старик» по роману Юрия Трифонова. Его играют мои ученики — студенты Института театра, музыки и кинематографии. Это живое, интересное дело. Можно порадоваться тому, что меньше стало бумажной отчетности. Появился маневр для творческой и финансовой инициативы.

— Таную оценку высказывают многие деятели театра. Но в какой степени эксперимент, на ваш взгляд, приближается к идеалу?

— Главные проблемы далеко еще не решены. То, что задумано на первом этапе, давно-давно необходимо было сделать, и экспериментом это вряд ли стоит называть. Я говорю, к примеру, о праве театра самому выбирать пьесы. Или, скажем, что спектакль принимает сам театр, а не всякого рода начальство. Что тут экспериментального? Ведь известно, что принимающие инстанции никогда плохие спектакли не запрещали, а отчаянно «не пустили» как раз хорошие. Да и новые финансовые права, предоставленные театру хоть и дали нам некоторое послабление, но по существу ничтожны.

— Разве?.. Ведь мы получили право по своему усмотрению повышать цены на билеты.

— Да, получили. На 50 процентов. Но мы знаем, что и

сейчас нашими билетами спекулируют. За «Вратяв и сестер», которые идут в два вечера, берут не шесть рублей, а вдвое больше. В итоге кто-то на нас наживается, а мы не получаем тех денег, которые заслуживаем.

— Ну а нам быть с той категорией зрителей, которой дорогие билеты не по карману?

— Труппа наша бы могла сыграть эти спектакли для студенчества, молодежи за более дешевую цену, что всегда было в традициях русского театра. Но у тех, кто способен и готов заплатить, почему мы не можем взять деньги? Для этого необходимо ввести свободную стоимость билетов.

— Зарплата артистов: есть тут положительные сдвиги?

— Мы имеем возможность маневрировать, но очень уж немного. Потому что или мы должны, находясь в пределах того же фонда зарплаты, резко сократить труппу, а у нас она и так мала, или увеличивать интенсивность проката спектаклей. Но такой загруженности актеров, какая существует у нас в стране, нет нигде в мире. Еще совсем недавно мы играли более пятисот спектаклей в год, в минувшем году впервые сыграли 495.

— Значит, эксперимент все же несколько уменьшил «производственные перегрузки»?

— Очень незначительно. Все равно получается в среднем полтора спектакля в день. И то нас упрекают, что на две тысячи зрителей меньше «обслужено». Много ездит по районам области — театр-то у нас областной. Делаем концертные программы, организуем творческие вечера, есть композиция по Федору Абрамову: а

ведь надо ее репетировать, готовить новое. Не будет достаточно времени и сил для репетиций — не будет и творческого роста.

— Что же надо сделать, чтобы эксперимент работал активнее?

— Необходима договорная система, при которой все творческие работники театра, включая и главного режиссера, каждые два-три года подтверждали бы право работы в коллективе. Это обеспечивает высокий уровень состоятельности. Существующая у нас конкурсная система, какая она есть на сегодняшний день, — все-таки инструмент очень слабый. Правда, благодаря ей мы кое о ком избавились, но — с большим скандалом. Меня не удовлетворяет, что актер в данном случае проходит психологически непростое таинство голосования, а режиссер должен заставить себя быть суровым. Ведь речь идет об увольнении. Это психологическая травма. А при договорной системе уже шла бы не об увольнении, а об обобщном желании продлить контракт. Согласитесь, это куда более демократичная основа взаимоотношений.

— А что вы как участники эксперимента думаете о существующих ныне показателях и ограничениях?

— Убежден, что пора отметить показатели «обслуженных» зрителей и сыгранных спектаклей. Театр просто должен зарабатывать нужные ему для жизни деньги. Необходимо, по моему, снять ограничения с надбавок к зарплате артистам (сейчас можно прибавить не более 50 процентов). Нужно не замораживать дотации, когда больше получаю

те, кто хуже работает, а увеличивать их тем, кто показывает лучшие художественные результаты. Прежде всего художественные, а затем уже экономические. Сейчас же получается по-старому: чем лучше ты работаешь, тем меньше тебе помогают. Мы должны иметь возможность не централизованно закупать транспорт, аппаратуру. Вообще, техническая отсталость в оснащении нашего театра — на грани фантастики. И еще: театрам надо предоставить право открывать свои валютные счета в банке, чтобы они имели возможность зарабатывать валюту и самостоятельно ею распоряжаться.

— В нынешнем сезоне ваш театр вступил в активную международную деятельность. Судя по откликам прессы, с большим успехом прошли ваши гастроли в Великобритании, Канаде, США. Что мог бы дать эксперимент в этой сфере?

— Думаю, по аналогии с промышленными предприятиями театр должен получить право на прямой контакт, на заключение договоров. Вот вам свежий пример. В Нью-Йорке был сорван показ спектакля «Братья и сестры», и Госконцерт, представляющий наши интересы и забирающий все заработанные театром деньги, включая половину суточных, ничего не смог и даже не попытался предпринять, чтобы защитить нас. Тогда мы сами при помощи Союза театральных деятелей СССР заключили контракт на показ спектакля «Звезды на утреннем небес». И контракт этот, представьте, оказался более экономически выгодным, чем тот, который Госконцерт составил для спектакля «Братья и сестры». Впрочем, если учесть, что спектакль по Федору Абрамову никто из продавцов его работников Госконцерна не смотрел, можно ли этому удивляться?

— Какова, по-вашему, конечная цель эксперимента?

— Свободная форма организации театрального дела, превращение театра в самостоятельный правовой организм. Сценический коллектив должен стать граждански, художественно и экономически независимым. Дело от этого только выиграет, полнее проявятся демократические начала. Мы должны учиться мужеству брать ответственность на себя

Беседу вел
О. СЕРДОБОЛЬСКИЙ,
корр. ЛЕНТАСС — специально для «Вечернего Ленинграда»